
Глава 26. Белый свет луны

Цзяньси бегло просмотрел сообщение от Сяо Цзю. С отцом всё было в порядке: результаты обследования не выявили ничего критического, а пугающая худоба оказалась банальным следствием скитаний последних лет, когда Фу Тяньюю приходилось постоянно прятаться и питаться через раз. Цзяньси-то уже решил, что старик либо сторчался, либо подхватил какую-то заразу. Похоже, он сам пересмотрел дешёвых мыльных опер.

Курорт в Юго-Восточной Азии, тот самый частный остров, о котором упоминал Мэй Цзюнь. Что ж, вкалывать там — всяко лучше, чем оставаться здесь и дышать городским смогом. Рабочая смена по двенадцать часов, квалификации не требуется, так что пахать придётся физически. В самом конце Сяо Цзю отдельно приписал: «Всё легально».

Цзяньси усмехнулся. Лучше бы Сяо Цзю вообще ничего не объяснял — от этой ремарки разило фальшью за версту.

— Что думаешь со всем этим делать?

Цзяньси сунул телефон в карман и обернулся.

«Мать твою, когда этот дед вообще успел тут нарисоваться?»

К старости старик Сюй явно обрёл какие-то мистические способности. Ходит абсолютно бесшумно, ни единого шороха, ни дуновения ветра — чистой воды телепортация.

Цзяньси поднялся со стула и встал плечом к плечу со Стариком Сюем. Оба молча уставились на натянутый холст.

— Сюй-лао, взгляните сами. Работа встала. Дальше мазок сделать не могу.

— Вот и оставь как есть, — ехидно бросил старик, искоса поглядывая на ученика. — Любое новое прикосновение кисти сейчас будет лишним. В твоём нынешнем состоянии бросить эту картину на полпути — единственное, что может её спасти.

— Да, что-то я в последнее время сам не свой. Постараюсь побыстрее собраться, — Цзяньси виновато улыбнулся и почесал затылок, нацепив маску прилежного ученика, готового безропотно сносить любые нахлобучки.

Старик Сюй действительно устроил ему знатную выволочку за недавний творческий кризис. Впрочем, переведя дух, старик детально разобрал композицию картины, а под конец посоветовал при первой возможности заглянуть в выставочный зал выпускников. Там, на стене четвёртого курса, висела работа, которая, по мнению мастера, во многом перекликалась с «Синевой» Цзяньси. И дело было вовсе не в манере письма или схожем пейзаже — совпадал сам эмоциональный надрыв творца.

Невысказанная боль, сдерживаемое буйство чувств, ярость, удушливая зажатость и кристальная чистота... Старик Сюй увлёкся своими рассуждениями настолько, что вокруг них незаметно собрались остальные студенты. В считанные минуты обычное замечание переросло в стихийный семинар.

— Вы про работу того парня с прошлого выпуска? «Алость» Ян Тина? — спросила Старика Сюя одна из девушек, в волосах которой вместо заколки небрежно торчал карандаш средней мягкости.

— Угу, — рассеянно подтвердил старик, не сводя задумчивого взгляда с густых синих мазков на холсте Цзяньси.

— Да, помню её. Там безумный закат, небо словно кровью залито, и бескрайнее поле маков... Сплошное багровое марево, — прикрыв глаза, мечтательно протянул бледноватый парень, задумчиво потирая подбородок.

— Точно, монохром в чистом виде, — подхватил другой студент. — Только у Цзяньси сквозь синеву прорываются белые всполохи, а у Ян Тина красный был густо замешан на глубоком, почти чернильном чёрном. Тяжёлая вещь.

— Да при чём тут палитра и техника! — вмешался староста, прерывая бессмысленный спор. — Наш мэтр говорит о внутреннем импульсе, об эмоциях. Хватит гадать на кофейной гуще!

Сюй-лао наконец оторвался от холста и, обнаружив, что его окружает плотное кольцо из двух десятков студентов, делано изумился:

— И чего вы тут столпились? Писать за вас кто будет? Живо за работу! То-то я думаю, почему дышать нечем стало. Разбежались! — Старик замахал руками, разгоняя притихшую толпу обратно к мольбертам.

Старик Сюй бродил по мастерской ещё с полчаса, уделяя внимание каждому ученику. Перед уходом он снова притормозил возле Цзяньси и ободряюще похлопал его по плечу. Тот оторвался от палитры и ослепительно, во весь рот улыбнулся наставнику.

— Зубы мне не заговаривай, — старик сурово погрозил ему пальцем. — Если к следующей неделе не соберёшься с мыслями, в мастерскую месяц можешь не приходить.

Улыбка с лица Цзяньси мгновенно слетела.

— Сюй-лао, ну проявите же милосердие! — взмолился он с самым благочестивым выражением лица, озвучивая свою запредельно наглую просьбу. — Одолжите пару-тройку раритетных альбомов из вашей личной коллекции. Обещаю, они мигом наставят меня на путь истинный.

Старик Сюй был живой легендой академии, почётным профессором, которого руководство умолило остаться на работе даже после выхода на пенсию. Среди его бывших учеников числились всемирно известные художники, чьи картины уходили с молотка за баснословные деньги, признанные мэтры, ведущие затворнический образ жизни, и высокопоставленные чиновники от культуры. Но главное — его домашняя библиотека считалась настоящей сокровищницей, и дед никогда не жадничал, если видел у студента искру таланта.

— Сюй-лао, мы тоже хотим!

— Мэтр, умоляем! Сжальтесь!

Из разных углов мастерской посыпались дружные вопли.

— Хех, желторотики, — усмехнулся старик, неторопливо шагая к выходу. — Ещё летать не научились, а уже норовят в облака запрыгнуть. Сначала крылья отрастите, а то носы поразбиваете.

Дойдя до двери, он вдруг резко замер и обернулся. Заложив руки за спину, дед окинул притихшую аудиторию строгим взглядом — вылитый даосский мудрец, спустившийся с заоблачных круч.

— Третьего числа, во второй половине дня. Что-то мне жуть как шашлыков захотелось. А ваша шиму, сами понимаете, такое мне есть запрещает. Намёк ясен? Приносите всё с собой. Но если хоть одна живая душа проболтается — вылетите от меня с треском.

С этими словами старик заговорщицки подмигнул и скрылся за дверью.

Стоило двери захлопнуться, как мастерская взорвалась восторженными криками.

— У меня дома есть отличный переносной гриль со всеми прибабасами! — вызвался один из парней.

— Девчонки берут на себя мясо и овощи!

— А я добуду выпивку. Только бы шиму нас за пиво прямо с порога не спустила с лестницы...

— Главное тут — наглость! — авторитетно заявил староста. — Прём напролом. Так, ты, ты и ты — у вас лица самые смазливые и невинные, на вас миссия по укрощению супруги нашего профессора.

— А я беру на себя самое сложное — отвлеку хозяина и проберусь к заветным шкафам, — пробормотал Цзяньси, задумчиво покусывая кончик кисти.

— Ты хотел сказать: «Я возьму на себя роль самого наглого халявщика»? — съязвил староста.

— Ты же сам только что сказал: главное — безграничная наглость, — парировал Цзяньси, медленно процеживая слова сквозь зубы и не выпуская кисть изо рта.

— Ладно, ладно, сдаюсь. С этого дня ты у нас официально назначен главным по бесстыдству. Все лавры твои! — Староста сокрушённо покачал головой, глядя на него с таким видом, будто досрочно списывал безнадёжного больного со счетов.

— Слышь, ты сейчас договоришься, — Цзяньси вытащил кисть изо рта и угрожающе наставил её кончик на обидчика.

— Да ладно тебе, иди ко мне, давай сольёмся в экстазе! — Староста, здоровенный двухметровый детина родом с северо-востока, картинно засучил воображаемые рукава. — Кто первый струсит — тот и бесстыдник!

С этими словами он лихо перемахнул через опрокинутый табурет, обогнул чей-то этюдник и двинулся прямо на Цзяньси.

— О, шустрее доставайте телефоны! Опять они за своё!

— Какое бесстыдство среди бела дня! Жги ещё!

— Давайте, парни! Кто даст заднюю — тот пожизненный лох!

— Плюс один!

— Плюс сто пятьсот!

— Цзяньси, ягодка моя, иди к папочке! Сейчас я тебя приласкаю! — завыл староста под дружное улюлюканье и дикий хохот одноклассников, собираясь затиснуть парня, который с абсолютно невозмутимым видом продолжал сидеть на своём хлипком табурете.

Цзяньси улучил момент и упёрся подошвой кеда старосте прямо в живот — несильно, просто

чтобы удержать эту тушу на расстоянии.

— Давай, целуй его! Целуй! — бесновалась толпа.

Староста, кривляясь, попытался ухватить Цзяньси за ворот футболки, начисто игнорируя мешавшую ему ногу, и потянул парня на себя. Цзяньси слегка согнул колено, аккумулируя силу, а затем резко распрямил ногу. Наш доблестный предводитель, никак не ожидавший такого отпора, отлетел на добрый метр назад и с сочным шлепком приземлился задом прямо на чужую палитру — соседа через два мольберта от них.

— О-о-о! У нашего лидера теперь радужная задница!

— Исторический кадр! Снимай, снимай быстрее!

— Чистой воды авангардный перформанс!

— Какая к чёрту живопись сквозь джинсы? Староста, снимай штаны, пусть Цзяньси ещё раз приложится! Только смотри, не отбей ему хозяйство, а то его благоверная прибежит сюда с топором и порубит всю нашу лавочку!

Мастерская окончательно забросила кисти. Все увлечённо гоготали, снимали видео, щёлкали затворами камер и заливали свежие мемы на университетский форум.

Подобный балаган у них устраивался стабильно пару раз в неделю. Если бы они периодически не спускали пар таким диким образом, а вечно строили из себя великих непризнанных гениев, половина группы загремела бы в дурку ещё до конца семестра.

К тому же в этой группе учился главный генератор трафика всей академии — неподражаемый «молодой господин Фу». Любой пост с его участием в соцсетях мгновенно собирал тонны лайков и комментариев, от которых телефоны начинали плавиться. Что уж говорить о студенческом форуме, где треды с его упоминанием за считанные минуты разрастались до небес.

Почаствовав во всеобщем веселье, Цзяньси и сам заметно прибодрился. Ещё в обед ему позвонил секретарь Ли Жунтяня и попросил после занятий подъехать в офис «Звёздных медиа» для подписания контракта.

Похоже, те «пару дней», о которых говорил Фан Юй, истекли именно сегодня.

Цзяньси закинул на плечо чёрный рюкзак. Простая белая футболка, свободные тёмно-синие хлопковые брюки, чистые кеды, бейсболка козырьком назад и наушники-вкладыши — в таком виде он выкатил своего верного «Да-Хэя» на дорожки кампуса. Стоило ему тронуться, как со всех сторон полетели такие жаркие, обожающие взгляды местных воздыхателей, что парень

едва не обуглился на ходу.

Знать бы заранее, что сегодня придётся подписывать бумаги, он ни за что не поехал бы в академию на мопеде. Сначала пилить на нём в офис компании, потом сразу же гнать на ночную смену в «Лазурное море и облачное небо», а утром тащиться обратно... От этих мыслей в душе закипало глухое раздражение.

«Фан Юй, этот старый бабник, наконец-то соизволил вернуться. Интересно, полученная взбучка его хоть немного образумила?»

В наушниках надрывался Тупак со своим классическим «Thug Life», и Цзяньси невольно покачивал головой в такт тягучему олдскульному биту.

На пороге стояло лето. Академический парк утопал в молодой сочной зелени, а заходящее солнце немилосердно било прямо в глаза тёплыми лучами. Цзяньси пришлось притормозить у обочины, чтобы выудить из рюкзака солнцезащитные очки.

Едва он успел водрузить их на переносицу, как откуда-то сбоку донёлся пронзительный, истошный визг. От неожиданности Цзяньси едва не выронил очки на асфальт. Выждав пару секунд, пока утихнет звон в ушах, он осторожно повернул голову, пытаясь вычислить безумца, решившего устроить вокальное шоу посреди тихого кампуса.

Раздался отчётливый щелчок затвора.

На противоположной стороне дорожки выстроились несколько девчонок с телефонами наготове. Будь это чужаки, Цзяньси просто проигнорировал бы их и уехал. Но, как назло, перед ним стояли его собственные одноклассницы — те самые, что пару часов назад увлечённо вели прямую трансляцию его потасовки со старостой.

— Девчонки, хорош уже! Вы из моей жизни решили сериал смонтировать? — Цзяньси лениво опёрся одной ногой о землю, вторую оставил на педали и навалился грудью на руль своего байка, с укоризной глядя на весёлую компанию.

— Ой, да ладно тебе! — прыснули они со смеху и дружной гурьбой направились прямо к нему. — Стой, стой, не смей уезжать! Я тут рискую остаться без сладкого на неделю, если мой парень увидит, но я обязана сделать селфи с нашим главным красавчиком! А ну-ка, расправь плечи!

Не давая ему опомниться, девица бесцеремонно втиснулась в личное пространство Цзяньси, закинула руку с телефоном и выдала ослепительную вспышку. Щёлк! Без шансов на отступление.

— Теперь я, я следующая! — Две другие бесцеремонно отпихнули подругу в сторону. — Слышь,

Цзяньси, если дёрнешься — мы с Линьлинь прямо сейчас вернёмся в мастерскую и выльем банку растворителя на твою «Синеву»!

Этот шантаж был чистой воды экстремизмом. Девчонки зажали его «Да-Хэя» с двух сторон и выдали ещё серию кадров.

Довольные результатом, заговорщицы тут же уткнулись в экраны, бурно обсуждая ракурсы.

«Они мне за фотосессию наличными заплатят или сразу на карту скинут?»

Не успел он додумать эту мысль, как девчонки, даже не попрощавшись, весело упорхнули прочь. Ну что за люди!

Цзяньси крутанул ручку газа, и «Да-Хэй» с тихим рычанием сорвался с места. Торговать лицом бесплатно он больше не нанимался. Дорога к главным воротам лежала через центральную аллею, где как раз заканчивались пары у первокурсников, так что нужно было убираться отсюда как можно скорее, пока его не разорвали на сувениры.

Трек Тупака успел прокрутиться по кругу раз десять, прежде чем Цзяньси наконец въехал на территорию «Звёздных медиа».

Шестиэтажное здание в европейском стиле располагало просторной парковкой: служебные машины ютились на заднем дворе, а парадный въезд был забит автомобилями гостей. Сбоку от главного входа примостился небольшой крытый навес для двухколёсного транспорта. Цзяньси припарковал там «Да-Хэя», защёлкнул замок и неторопливо направился к парадному входу.

Не успел он сделать и пары шагов, как из стеклянных дверей холла показался Фан Юй в сопровождении какого-то незнакомого мужчины. Цзяньси невольно замедлил шаг, стараясь держаться в тени и не привлекать внимания. На нём были тёмные очки и глубоко надвинутая кепка — со стороны в таком прикиде его едва ли признал бы даже близкий знакомый, не говоря уже о человеке, с которым они виделись всего несколько раз. Пользуясь своим преимуществом и приличным расстоянием, Цзяньси принялся бесстыдно разглядывать парочку.

«Надо же, Фан Юй, этот старый проходимец... А, чёрт, теперь ведь он мой босс. Ситуация принимает пикантный оборот».

Сегодня директор Фан выглядел на удивление неформально: свободная белая рубашка из тонкого льна с расстёгнутой верхней пуговицей, лёгкие светлые брюки. Он увлечённо беседовал со своим спутником, и на его губах то и дело появлялась мягкая, на редкость тёплая улыбка. Так улыбаются только по-настоящему близким людям.

Цзяньси впервые видел этого холодного дельца таким домашним и расслабленным.

Спутник Фан Юя был высок и чрезвычайно худ. Эпитет «эфемерный» или «хрупкий» обычно не вяжется со взрослым мужчиной, но именно эти слова первыми приходили на ум при взгляде на него. Бледное, почти прозрачное лицо, безупречные, утончённые манеры и идеально прямая, несмотря на явную болезненность, осанка. Настоящий классический интеллигент, хрупкий бамбук, от которого веяло благородным спокойствием и чистотой.

У парадного входа урчал мотором представительский седан, явно ожидавший их окончания беседы. Мужчины неторопливо переговаривались, как вдруг Фан Юй развернулся и быстро направился к своему припаркованному неподалёку внедорожнику. Его спутник остался стоять на месте, заведя одну руку за спину. Он не сводил с Фан Юя мягкого, исполненного глубокой нежности взгляда. Даже когда тот вернулся, держа в руках лёгкую ветровку, мужчина продолжал смотреть на него с затаённым обожанием.

«Ого! Неужто та самая легендарная "недосягаемая любовь"? Любопытно, весьма любопытно».

Цзяньси невольно усмехнулся.

Фан Юй аккуратно расправил куртку и заботливо набросил её на плечи бледного мужчины, после чего лично открыл перед ним заднюю дверцу автомобиля. Мужчина сел в салон, дверца захлопнулась, и седан медленно покотил к выезду с территории. Фан Юй долго провожал машину взглядом и лишь когда она скрылась из виду, развернулся обратно к главному входу.

Поскольку в ушах Цзяньси всё ещё играла музыка, он не расслышал ни слова из их диалога, да и не больно-то хотелось совать нос в чужие дела.

Просто судьба в очередной раз подкинула ему сомнительное удовольствие стать свидетелем сердечных драм этого неисправимого ловеласа. Вернее, его бесконечных метаний от одной страсти к другой. На этот раз в фаворитах оказался болезненного вида интеллигент. Ну и вкусы у нашего босса — всеядный, ничего не скажешь!

Цзяньси достал телефон из кармана брюк и убавил громкость. Краем глаза он заметил, что Фан Юй замер на ступеньках крыльца буквально в десяти шагах от него и пристально разглядывает его фигуру.

«Оп-па, неловко вышло, господин директор!»

Цзяньси даже не нужно было поднимать глаза, чтобы представить, какая забавная гамма чувств сейчас отразилась на лице босса.

Фан Юй действительно стоял, нахмурившись, и с явным недоумением наблюдал за медленно приближающимся парнем, который увлечённо тыкал в экран смартфона. В этом молодёжном прикиде Цзяньси издали казался обычным подростком, и узнать его было непросто. Получается, этот мелкий паршивец стоял тут всё время, наблюдал за сценой прощания и теперь делает вид, что ничего не заметил?

На душе у Фан Юя скребли кошки. Поездка в компании старшего брата Фан Циня к Су Сяомэй была мерой вынужденной — в ней смешались и глухая тревога, и сомнения, и колоссальное нежелание вообще куда-либо ехать. Семейные узы и общее прошлое не разорвать в один миг, как бы сильно ни хотелось вычеркнуть некоторых людей из памяти раз и навсегда.

Но сейчас, глядя на ухмылку Цзяньси, который с показным равнодушием приближался к крыльцу, Фан Юй ощутил укол необъяснимой досады. Он словно потерял что-то очень важное, ещё даже не успев этим завладеть.

А когда из дверей здания внезапно выпорхнул Юньгэ, Фан Юй и вовсе готов был взвыть от бессилия. Ну надо же было так совпасть! Словно кто-то нарочно собрал всех действующих лиц в одном месте ради дешёвой театральной драмы.

— Гэ! А я думал, ты уже уехал, — Юньгэ порывисто взбежал по ступеням и замер прямо перед Фан Юем. Он стоял на ступеньку выше, сверху вниз заглядывая старшему в лицо. В его сияющих глазах плескалась неприкрытая радость. — Где мой подарок? — Он требовательно протянул раскрытую ладонь.

Напряжение на лице Фан Юя усилилось, улыбка вышла натянутой и безжизненной.

— Всё произошло слишком быстро, я не успел ничего купить. В следующий раз.

— Ну вот... — Юньгэ разочарованно надул губы, но тут же просиял новой идеей: — Тогда с тебя ужин! Сегодня же вечером!

Проходя мимо, Цзяньси отчётливо расслышал последнюю фразу. Он искоса скользнул взглядом из-под тёмных стёкол по стоявшей на ступенях живописной паре. В этот же миг Фан Юй посмотрел прямо на него, но из-за плотного пластика очков их взгляды скользнули мимо, так и не встретившись.

Проигнорировав настойчивое предложение Юньгэ, Фан Юй лишь молча похлопал парня по плечу, развернулся и направился внутрь здания. Тот поспешил следом.

Все трое вошли в вестибюль практически одновременно, удерживая дистанцию в пару метров.

Юньгэ, судя по всему, только-только закончил дефиле или тренировку: подол его тонкой облегающей футболки был завязан узлом на боку, обнажая подтянутый, рельефный живот, а свободные спортивные штаны соблазнительно приспущены на бёдрах. В сочетании с его холёным кукольным лицом и безупречной фигурой зрелище выходило откровенно провокационным.

Цзяньси невольно вспомнил старую поэтическую строчку о ветреной красоте, у которой вся прелесть сосредоточена в тонкой талии. Очень точное описание для этого порхающего

мотылька.

Заметив, что парочка направилась к лифтам, Цзяньси резко свернул к пожарной лестнице. Кабинет Ли Жунтяня находился всего лишь на втором этаже, так что подняться пешком было делом пары минут. Да и зачем лишний раз навязывать им своё общество? Зайди он сейчас в ту же кабину, Фан Юй наверняка сгорел бы со стыда под его невозмутимым взглядом.

Впрочем, почему у господина директора перед закрывающимися створками лифта было такое кислое и мрачное лицо? Неужели внезапное появление лишнего свидетеля испортило ему всё удовольствие от созерцания оголённой талии своего фаворита?

На ходу Цзяньси стянул очки и сунул их в боковой карман рюкзака, но бейсболку оставил — если он сейчас снимет кепку и предстанет перед Ли Жунтянем со своим художественным беспорядком на голове, тот, чего доброго, передумает подписывать с ним контракт. Парень коротко постучал костяшками пальцев по двери кабинета. Створка тут же распахнулась, и на пороге появился сам Ли Жунтянь — в одной руке он держал ручку двери, в другой покачивал чашку с дымящимся эспрессо. Коридор мгновенно заполнил густой, бодрящий аромат арабики.

— Ли-гэ, на ночь глядя — и кофе? — улыбнулся Цзяньси, проходя внутрь.

— На байке примчался? Да ещё и в чёрных очках на пол-лица? — Ли Жунтянь вернулся за свой стол и шутливо изобразил пальцами окуляры возле глаз.

— Ага, прямо с занятий, — Цзяньси сбросил рюкзак на кожаный диван. Видимо, продюсер только что стоял у окна и во всех подробностях наблюдал его появление на «Да-Хэ».

«Постойте... Значит, он и Фан Юя с его свитой видел?»

— А ты чертовски фотогеничен, парень. Сама природа велела тебе быть в объективе, — Ли Жунтянь довольно сощурился и протянул ему увесистую папку. — Держи, ознакомься. Мы внесли некоторые правки, как ты и просил.

— Угу, — Цзяньси устроился на диване и принялся внимательно изучать пункты, на которые ранее указывал их юрист. Процентная ставка агентства осталась прежней, однако кабальные условия о заморозке гонораров бесследно испарились — теперь под отложенные выплаты на год попадали лишь стандартные десять процентов. Надо же, действительно переписали! Спустя пару минут Цзяньси закрыл папку и кивнул:

— Ли-гэ, меня всё устраивает. Никаких возражений.

Ли Жунтянь отвернулся от окна, скользнул по лицу Цзяньси проницательным взглядом и с едва заметной усмешкой спросил:

— Вы с Фан Юем давно знакомы?

— Да так, пересекались пару раз, — уклончиво ответил Цзяньси, решив не вдаваться в лишние подробности.

— Ну, раз так, то... — Договорить продюсер не успел. Дверь кабинета без стука распахнулась, и на пороге появился Фан Юй с на редкость суровым лицом.

— Директор Фан, — Ли Жунтянь тут же поднялся из-за стола, приветствуя вошедшего. — А мы как раз обсуждаем контракт с Цзяньси. — Он потянулся к ящику стола, чтобы достать копию для руководства.

Фан Юй лишь небрежно махнул рукой, отказываясь от бумаг, и опустился на соседний диван прямо напротив Цзяньси. Столкнувшись с парнем коротким взглядом, он повернулся к продюсеру и сделал успокаивающий жест ладонью, призывая того сесть обратно.

— Мой близкий знакомый попросил вернуть этому молодому человеку один должок, — ровным, ничего не выражающим тоном произнёс Фан Юй.

«Тонкая работа, господин директор».

Ли Жунтянь обогнул стол и устроился в кресле напротив Фан Юя. Он дружески похлопал Цзяньси по плечу:

— Директор Фан, можете не сомневаться. Цзяньси — самородок, какого ещё поискать надо. Раз уж он попал ко мне, я сделаю из него звезду первой величины. О негласных правилах тоже можете не беспокоиться: госпожа Су держит нас в ежовых рукавицах, у нас тут всё строго в рамках приличий.

Мужчины поговорили ещё несколько минут, при этом Фан Юй периодически бросал на сидящего рядом парня быстрые, изучающие взгляды. Цзяньси тем временем спокойно проверил оставшиеся листы и поставил размашистые подписи во всех указанных местах.

— Отлично. Тренировки начинаются со следующего понедельника, — подытожил Ли Жунтянь, забирая папки. — Зайди сейчас в учебный класс, заberi расписание у куратора.

Цзяньси поднялся, попрощался и вместе с Фан Юем вышел в коридор.

Оказавшись за дверью, парень вопросительно посмотрел на своего негласного покровителя и указал пальцем в сторону репетиционных залов. Тот лишь слегка поджал губы, окинув его всё тем же прохладным взглядом, и коротко кивнул: мол, иди, не задерживаю.

Едва Цзяньси дошёл до дверей тренировочной зоны, в кармане тихо звякнул телефон. Он достал гаджет и глянул на экран — пришло сообщение от Фан Юя. Парень обернулся, но коридор уже был пуст: директор ушёл так же стремительно, как и появился.

Цзяньси разблокировал экран.

[Фан Юй: Жду тебя в «Лазурном море и облачном небе». Нам нужно поговорить.]

Глядя на эти сухие строчки, Цзяньси ощутил непреодолимое чувство предрешённости. От судьбы, как говорится, не уйдёшь — сколько ни бегай, а встречи не миновать.

«Ладно, в любом случае надо сказать ему спасибо за контракт. Встретимся так встретимся».

Однако глубоко внутри шевелилось странное беспокойство. То ли он действительно не горел желанием видеть этого человека, то ли... подсознательно боялся, что Фан Юй начнёт оправдываться.

Сначала стать свидетелем трогательного прощания с нежным интеллигентом, а спустя пять минут наблюдать, как тот же персонаж отбивается от притязаний страстного манекенщика. Картина маслом! Неловко-то как.

Хотя... неловко ли? Цзяньси и сам не мог толком разобраться в своих чувствах. Одно он знал точно: выслушивать неловкие откровения этого ветреного господина ему хотелось меньше всего на свете.

Настроение окончательно испортилось.

Зайдя в класс, он быстро обменялся контактами с куратором курса, сохранил присланное на телефон расписание тренировок и вышел на улицу.

На выходе его перехватил Хэ Цзянь. Приобняв друга за плечи, он битых десять минут выпытывал подробности сделки, пока Цзяньси наконец силой не вырвался из его объятий.

Офис «Звёздных медиа» находился на другом конце города от жилого комплекса «Циньхэ». Возвращаться домой не имело смысла, поэтому Цзяньси решил перекусить на Культурной улице, а оттуда сразу ехать на смену в клуб.

При одной мысли о том, что его там дожидается Фан Юй, у Цзяньси возникало непреодолимое желание развернуть мопед и укатить на край света. Впервые в жизни он так сильно не хотел никого видеть.

«Но почему? Просто лень? Или я действительно боюсь, что он начнёт объяснять, кто все эти

люди вокруг него?»

Да какая ему, к чёрту, разница? Ему вообще не следовало лезть в личную жизнь своего нового босса. Пусть всё остаётся как есть.

«И плевать, кто он там на самом деле — неисправимый бабник или его высокопревосходительство господин директор».

<http://bllate.org/book/18325/1766184>